

Сандалики на тонком ремешке

Вадим Макишвили

— Наташечка, пробуй салатик. И паштет, вот, возьми. Вадимушка, огурчиков ещё хочешь? Я принесу. Вкусные огурчики у меня, правда?

Тете Тамиле было за семьдесят. Тетей мы звали её номинально, так повелось давно, да и какое это имеет значение, как называть двоюродную бабушку? Она была пожилой, но бодрой. Видела она всё хуже, но готовила по-прежнему вкусно. Бедно, но вкусно. Как могла.

— Эти огурчики я давно катаю. Ой, помню, как меня папа учил закатку держать. Я тогда маленькая была - двумя руками её удержать не могла. А ты же не видела моего папу, Наташечка? А мама твоя видела. Папа у меня был статный такой, высокий мужчина.

— Выше вас?

— Ой, что ты, Наташечка! Выше. Ещё волосы у него были такие красивые. Светлые, почти рыжие, кучери на бок свисают. Он их не стриг, головой вот так дергал, лихо отбрасывал в сторону. Как в фильме этом, Никулин там, и Миронов... Ты помнишь, Вадюшечка?

Я кивнул молча, я был занят: огурец звонко хрустел и взрывался во рту солёным соком, вкусно чертовски, хотя моя бабушка делала огурцы вкуснее, не такими солёными и добавляла уксуса чуть больше. Я кивнул тёте Тамиле.

— Антон Федотыч, папа мой, видный был мужчина. И спокойный всегда, даже когда выпьет сильно. На меня ни-ког-да голос не повышал. Никогда не нервничал, в карты с каменным лицом играл — никто его обыграть не мог. Была у него к картам страсть сильная.

Тётя Тамиле наклонилась вперед, заглянула Наташе в глаза и положила пальцы на её руку, отчего, сидя по другую стороны от жены, я услышал, как старческая кожа зашелестела.

— Он же однажды выиграл большую сумму! — Она округлила глаза и последние слова произнесла со значением. — Что ты. Огромные деньги пришли к нам от него во время войны. Так много, что мама даже сандалики мне купила — вот как. А какие они были красивые...

Тётя Тамиле закачала головой и прицокнула языком.

— Вот тут цветочек узорный и ремешочек тонюсенький. Папа, когда с фронта вернулся, я его в этих сандаликах встречать выбежала.

Вокруг глаз пожилой женщины радостно заплясали морщины, уголки губ потянулись кверху и во взгляде мелькнуло что-то удивлённое и озорное — такой иногда я застаю мою дочь, когда она перед зеркалом надевает взрослую нарядную мамину вещь. В жёлтом свете старой люстры Тётя Тамиле помолодела.

— Я так прыгала в тех сандаликах вокруг них — мама вжалась вот так в папу и повторяла только одно: «Живой... Живой...». А мне так сильно хотелось показать новые сандалики. А он от мамы не отходил — она потом сомлела, чуть не упала во дворе, ноги видать подкосились. Она же хворала от голода, даже когда деньги появились — долго хворала, худющая вся была, желтая, что ты. Ужас один. А как отца обняла — разревелась и в обморок схлопнулась. Как я тогда испугалась...

Еще мгновение назад глаза тёти Тамилы светились восторгом, а сейчас в них блестели слёзы. За семь лет я не видел тётю Тамилу такой не разу: она мгновенно постарела и словно сдулась, как после праздника сдувается воздушный шар, уныло опускаясь в угол детской комнаты.

Мы с Натальей переглянулись, Наташа едва заметно пожала плечами и нахмурилась. Бабушка рассеянно пошарила в кармане, ничего там не нашла. Потом удивлённо посмотрела на передник, словно не понимая, как он на ней оказался, и не найдя подходящего объяснения, промокнула глаза его краем.

1942 год. Июнь.

Дверь распахнулась, в землянку вошёл лейтенант с рядовым. В центре помещения стоял стол, над столом висела самодельная лампа из отработанной гаубичной гильзы с маслом. Лампа коптила потолок и слегка покачивалась, отчего на лицах людей, сидевших за столом, из стороны в сторону колебались тени от носов. Люди словно принохивались к вошедшим, так показалось Антону в первую секунду.

Антону шёл тридцать второй, он был рядовым, но не без таланта — он умел считать карты. Считал без усилий, не производя в уме сложных подсчетов и не заставляя себя мучительно запоминать вышедшие из колоды карты. Он запоминал их легко, как человек запоминает три только что названных произвольных имени, только Антон был способен запоминать не три, а раз в двадцать больше.

Его ротный лейтенант, молодой парень лет двадцати, войдя в землянку, снял фуражку, обтёр её изнутри большим пальцем и повесил на свободный гвоздь рядом с десятком других офицерских фуражек. Затем оправил гимнастёрку и шагнул из темноты к столу.

— Разрешите обратиться?

Средних лет мужчина, с растёгнутым воротом, не вынимая дымящей самокрутки из угла рта, мельком глянул на лейтенанта и снова вернулся к картам в руке.

— Вольно, лейтенант. Привёл бойца?

— Семён Анатольевич, это тот самый Антон Безуглый. Антон подойди.

Антон шагнул от входной двери и остановился в двух шагах от командира батальона. Тот сидел к нему вполоборота спиной. Так близко его Антон еще не видел. Комбат оказался ненамного старше Антона, курил такую же самокрутку, как и все, щеки уже потемнели от выросшей за день щетины. На бритой голове сзади была складка кожи, поросшей короткими волосами, такая бывает у тучных людей.

— Безуглый Антон, рядовой восьмого пехотного батальона, шестая рота. По вашему приказанию прибыл.

— Вольно, рядовой. — Комдив развернулся на табуретке и, щурясь от дыма самокрутки, внимательно осмотрел Антона с головы до ног. — Наслышаны мы о твоём умении. Мол, никто обыграть не может. Врут?

Глаза комбата оказались маленькими, темными, но не бегали, а смотрели прямо и, чёрт их разберёшь, то ли хитро, то ли с улыбкой. Сам он был худой, на лбу параллельно земле залегли две глубоких складки и еще по одной с каждой стороны носа.

— Никак нет, товарищ майор.

— Ну, так, сыграем что ли?

— У меня денег маловато.

— Ну, — усмехнулся Семён Анатольевич, — а у кого их здесь много? По рублю на кон. Рубль у тебя есть?

— Рубль есть.

— Садись туда. — Он показал рукой на свободный ящик по другую сторону стола.

— Есть, товарищ майор.

— О-о-о-тставить майора. Имя моё знаешь?

— Так точно.

— За игрой по имени отчеству.

— Антон, стой!

Антон оглянулся, его догонял лейтенант, придерживая фуражку на бегу.

— Куда ты ...так быстро, я ж сказал... подождать за дверью, — пытаюсь отдышаться, говорил лейтенант. — Давай отойдём... туда.

Они отошли к деревьям, тень здесь была густая, облачное небо не пропускало лунного света. Лейтенант опирался об сосну, часто, как роженица, дышал и свободной рукой утирал со лба обильно выступивший пот.

— Сколько ты... выиграл?

— Двести шестьдесят рублей.

— Отдавай... назад.

Лейтенант говорил с отдышкой, наклонив голову к земле, и от того смотрел себе под ноги, пытаясь совладать с дыханием. Антон нахмурился.

— Не понял...

Лейтенант отпустил сосну и огляделся по сторонам, постепенно выравнивание дыхания.

— Я ж выиграл, — продолжал Антон. — Анатолич сказал, могу забрать.

— Он приказал, чтоб ты... не болтал никому. А ты сегодня же выболтаешь... — лейтенант сделал глубокий вдох и выдох, — а завтра пропьёшь... со взводом. Отдавай их взад.

— Командир, ты шутишь?

Лейтенант последний раз с шумом втянул и выпустил из себя воздух, выпрямился и приосанился.

— Командир, ты взаправду что ль? — Антон не мог опомниться. — Это ж мои деньги. Я честно их выигр...

— Рядовой Безуглый! — Лейтенант оборвал Антона и медленно перенес руку на кобуру. — Приказываю передать деньги своему командиру. Выполнять!

— Командир, не бурей. Ты не можешь.

Лейтенант хрустнул застежкой на кобуре, в неподвижном воздухе звук показался необратимым, как пощечина.

— Рядовой, — повторил лейтенант уже спокойнее, — за неподчинение старшему по званию — трибунал. Сдать деньги.

Антон, не сводя глаз с командира, полез за пазуху, вытащил комок бумажных денег.

— Да подавись ты, — он процедил сквозь зубы и швырнул деньги лейтенанту под ноги, — С-с-сука.

— Рядовой Безуглый, приказ комбата о неразглашении выполнять! Свободен.

Антон, не торопясь отдавать честь, понаблюдал с отвращением, как лейтенант собирает разбросанные по земле деньги, а потом смачно харкнув под ноги, двинулся к своему взводу.

3

— ... а когда мать в себя пришла, снова ему на шею кинулась. Причитала, благодарила, что с голоду помереть не дал. Как тогда все голодали, Наташечка, что ты! Старики мёрли, дети мёрли. Семьями мёрли. Сестричка-то моя младшая вот тоже... Галинкой звали... Не сберегли... Двух годов не было, с голоду спухла девочка.

Тётя Тамила замолчала с застывшим взглядом, губы сжались в тонкую полосу, и только артритные пальцы сжимали передник, словно комкали нахлынувшее прошлое.

Глядя на узловатые пальцы старой женщины, я внезапно понял, что все неразрешимые и крайне важные для меня проблемы — огромные мыльные пузыри — чуть тронь и вместо них в воздухе повиснет разноцветная водяная пыль, и даже она просуществует не дольше пары секунд. Я опустил глаза, взгляд упал на вилку с надкушенным огурцом. За этим разговором он выглядел неуместным и даже пошлым. Я опустил вилку на тарелку и спрятал руки под стол. Есть расхотелось.

— А как Антон Федорович сумел деньги переслать? Война же. — Спросила Наташа.

— А никак. — Тётя Тамила очнулась, выпустила из кулака скомканный передник и разгладила его на коленях. — Папа даже не сразу понял, про какие деньги мама талдычит.

Она потёрла пальцами костяшки на другой руке, по лицу пробежала тень привычной артритной боли.

— Командир деньги сразу у него отобрал. А папа что? Пропил бы на войне. А командир деньги отобрал и молчком нам выслал. Вот, какие тогда были офицеры...

Тётя Тамила шумно высморкалась в передник и снова промокнула им глаза.

— А лейтенанта того убили. Вскоре после того дня и убили, отец рассказал. Ишь, как устроено — отец про лейтенанта всю войну последними словами думал, а лейтенант-то его жену и дочь от голода уберёг. Вот ведь...

— Да вы кушайте-кушайте. Заговорила вас разговорами. Вадюшечка, сейчас принесу ещё огурчиков. Ты картошечку-то накладывай ещё. Вкусная картошечка? В этом году вкусная, правда?

Конец.

Май 2011